

## Двое изъ сумы.



одного старика жена была больно сварлива. Ни днем, ни ночью старикъ отъ нея покоя не зналъ: — то ворчить, то бранится за всякую малость; а чуть только старикъ начнетъ ей въ чемъ-нибудь перечить, она сейчасъ за помело, либо за ухватъ — мигомъ его изъ избы выгонитъ. Одна и была у старика утѣха: — уйдетъ отъ старухи въ поле, разставить лучки да тенета, въ дудочки всякія посвистываетъ, всякую пташку божью въ сѣти свои заманиваетъ, и какъ принесетъ домой добычи побольше, старуху на сутки, а иногда и на двое, задобрить, и поживетъ день другой въ покоѣ.

Вышелъ онъ такъ однажды въ поле, разставилъ тенета и поймалъ въ нихъ журавля. — «Вотъ это дѣло!» думаетъ

старикъ; «какъ принесу я журавля къ старухѣ, да мы его убьемъ и зажаримъ—долго она на меня ворчать не будетъ». А журавль, словно угадалъ его мысли, да и говоритъ ему человѣческимъ голосомъ: «не носи ты меня домой и не бей, а дай мнѣ по прежнему жить на свободѣ—будешь ты для меня милѣе отца роднаго, да и я тебѣ не хуже сына послужу». Удивился старикъ такой рѣчи и выпустилъ журавля на свободу.

За то, когда послѣ этого онъ домой пришелъ съ пустыми руками, старуха на него съ такой бранью накинулась, что старикъ въ домъ и войти не посмѣлъ—такъ и заночевалъ на дворѣ подъ крылечкомъ. Утромъ ранешенько вышелъ онъ въ поле, и только хотѣлъ было разставлять тенета, какъ видитъ, что къ нему его вчерашній журавль идетъ, и въ длинномъ своемъ клювѣ сумку какую-то держитъ. «Ты», говоритъ, «вчера меня на свободу выпустилъ, а я тебѣ сегодня подарочекъ принесъ. Скажешь мнѣ за него спасибо. Вотъ посмотри!» Положилъ онъ сумку на землю, и крикнулъ: «двое изъ сумы!» Откуда-ни-взялись, выскочили изъ сумы два молодца, поставили столы дубовые, постлали скатерти браныя, а на нихъ яства и питья всякаго видимо-невидимо. Отвѣдалъ старикъ такую сласть, какой на вѣку ему даже издали не случалось видѣть, наѣлся онъ, напился и только было хотѣлъ изъ-за стола встать, какъ журавль крикнулъ: «двое въ суму!» И столовъ со всеми яствами и питьями какъ не бывало. «Возьми эту суму», говоритъ журавль, «и снеси ее къ старухѣ». Поблагодарилъ его старикъ и пошелъ къ себѣ домой. Да вдругъ и припади ему охота своей добычею пе-

редь кумой похвалиться. Зашелъ онъ къ кумѣ, поздоровался съ ней и съ ея тремя дочерьми, и говоритъ: «собери-ка мнѣ поужинать, чѣмъ Богъ послалъ». Собрала кума, что въ печи было, поставила передъ кумомъ, кланяется, просить откушать. А кумъ-то чванится, говоритъ кумѣ: «плоха твоя ѣда! То-ли дѣло мой-то дорожный запасъ. Хочешь угощу тебя?»—«Ну, угости». Старикъ сейчасъ за суму, поставилъ ее на полъ, да какъ крикнетъ: «двое изъ сумы!» Откуда-ни-возьмись, выскочили изъ сумы два молодца, поставили столы дубовые, покрыли ихъ скатертью браною, а на нихъ-то поставили питья и яства всякія, какихъ кумѣ отроду и видать не приводилось. Наѣлась, напилась кума съ дочерьми, да и задумала недоброе—унести у кума суму обманомъ. И подластилась она къ куму, говоритъ: «голубчикъ-куманѣкъ! ты, чай, усталъ сегодня въ день-деньской, такъ на ночь-то попариться не хочешь-ли? У насъ встаети для тебя и баенка топится». Кумъ отъ бани не отказался, повѣсилъ суму въ избѣ на стѣну, а самъ и ушелъ въ баню париться. А кума сейчасъ приказала своимъ дочерямъ сшить такую же точно суму, какъ старикова, и когда онѣ сшили—подсунула свою суму старику, а его суму у себя оставила. Старикъ ничего не замѣтилъ, и пошелъ къ себѣ домой веселый-превеселый: пѣсни поетъ, подвистываетъ, а какъ сталъ къ дому подходить, закричалъ своей старухѣ: «жена! а жена! поздравляй меня съ подаркомъ отъ журавля-сына!» Глядитъ на него старуха, и думаетъ: «ужъ не выпилъ-ли онъ гдѣ дорогой-то! То-то я его проучу!» А старикъ, какъ вошелъ въ избу, сейчасъ су-



му среди поля поставилъ, наклонился надъ ней и ну кричать: «двое изъ сумы!» А изъ сумы—никого. Онъ и другой разъ: «двое изъ сумы!» И опять никого. Старуха, какъ увидѣла это, разразилась на него бранью всякою, налетѣла на мужа бурею, ухватила по дорогѣ помело мокрое—едва онъ отъ нея успѣлъ увернуться, да изъ избы выскочить.

Заплакалъ бѣднякъ—опять пошелъ въ поле на прежнее мѣсто; думаетъ: «авось опять журавля встрѣчу, да такую же суму отъ него получу». А журавль ужъ и тутъ—и точно съ сумой старика дожидается.—«Вотъ тебѣ и еще такая же сума, и эта тебѣ пригодится не хуже прежней». Въ поясъ ему старикъ поклонился и чуть не бѣгомъ домой припустилъ. Да на дорогѣ-то и взяло его сомнѣнье: «а что, если эта сума-то не такая, какъ та, да я опять передъ старухой-то оплошаю—ужъ тогда мнѣ отъ нея будетъ и подъ землей не спрятаться! А ну-ка: «двое изъ сумы!» Какъ только сказалъ онъ—выскочили изъ сумы два молодца съ длинными палками въ рукахъ, и давай его бить, приговаривая: «не заходи къ кумѣ, не льстись на медовыя рѣчи!» И били они старика до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, не догадался сказать: «двое въ суму!» Тогда молодцы въ суму и спрятались.—«Ну», думаетъ старикъ, «похвасталъ я некстати передъ кумой тою сумкою, а ужъ этой—и кстати похвалиться будетъ—авось она у меня и эту украсть захочетъ? То-то спасибо скажетъ!» И пришелъ онъ къ кумѣ веселый такой, повѣсилъ суму свою на стѣну, и говорить: «истопи-ка мнѣ, кума, баньку».—«Изволь, родимый». Пошелъ старикъ въ баню: парится не парится, только время проводить. А кума созвала своихъ дочерей,

усадила за столъ и говорить: «двое изъ сумы!» И выскочили изъ сумы тѣ же молодцы съ длинными палками и давай куму бить, приговаривая: «отдай старикову суму!» Посылаетъ кума старшую дочь за старикомъ, просить: «позови куманька изъ бани, скажи, что двое совѣмъ меня избѣли». А старикъ отвѣчаетъ изъ бани: «я еще не испарился!» Посылаетъ кума младшую дочь, а кумъ изъ бани отвѣчаетъ: «я еще голову не мылъ!» А двое-то молодцовъ все бьютъ куму, приговаривая: «отдай старикову суму!» Не стало терпѣнья у кумы—велѣла принести украденную суму и бросить старику въ баню... Тогда и старикъ вышелъ изъ бани, сказалъ: «двое въ суму!» И молодецъ съ палками какъ-будто не бывало.

Вотъ старикъ взялъ обѣ сумы, да и пошелъ домой. Подходить къ дому, опять кричить: «поздравляй меня, жена, съ подаркомъ отъ журавля-сына!» А старуха-то злится, ужъ и помело приготовила. Но старикъ, какъ вошелъ, сказалъ: «двое изъ сумы!» и тотчасъ столы передъ старухой явились, и двое молодецъ поставили на тѣ столы всякаго питья и кушанья вдоволь. Наѣлась, напилась старуха и разнѣжилась: «ну, муженекъ!»—говоритъ она, «я тебя болѣе бить не буду!» А старикъ-то, послѣ стола, убралъ эту суму подальше, а другую-то, будто нечаянно, и оставилъ на лавкѣ въ избѣ. Захотѣлось старухѣ самой посмотреть, какъ старикова сума дѣйствуетъ; она и скажи: «двое изъ сумы!» Какъ выскочатъ оттуда два молодца съ длинными палками, какъ примутся они бить



старуху, а сами все приговариваютъ: «не бей старика! не брани старика!» Кричитъ старуха благимъ матомъ, кличетъ старика къ себѣ на помощь... Сжалился надъ нею старикъ, вошелъ въ избу, сказалъ: «двое въ суму!» двое въ суму и спрятались.

Съ тѣхъ поръ старикъ со старухою зажили такъ мирно, такъ дружно, что старикъ своей старухой и теперь вездѣ похваляется — тѣмъ и сказка кончается.

